

ЛІТЕРАТУРА

1. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. / Жерар Женетт ; [пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной и др. ; под ред. С. Зенкина]. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
2. Легкий М. З. Форми художнього викладу в малій прозі Івана Франка / Микола Зіновійович Легкий. – Львів : Львівське відділення Ін-ту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України, 1999. – 160 с.
3. Мацевко-Бекерська Л. В. Концепт читання як умова організації нарративу в дитячій літературі / Л. В. Мацевко-Бекерська // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство : міжвуз. зб. наук. ст. – 2009. – Вип. XX. – С. 299 – 309.
4. Шмид В. Нарратология / Вольф Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative / Mieke Bal. – Toronto : University of Toronto Press, 2009. – 256 p.
6. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere / Jürgen Habermas. – Cambridge : The MIT Press, 1991. – 301 p.
7. Kayser W. Wer erzählt den Roman? / W. Kayser // Die Vortragsreise. Studien zur Literatur. – 1958. – S. 82 – 101.
8. Lanser S. The Narrative Act. Point of View in Prose Fiction / Susan Lanser. – Princeton : Princeton University Press, 1981. – 308 p.

Микитюк С. С.

кандидат філологічних наук, доцент

*Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
г. Харьков, Украина*

РЕЦЕНЗИЯ ПОЭЗИИ АНГЛИЙСКОГО ПРЕДРОМАНТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Обращаясь к переводам В.А. Жуковского поэтов английского предромантизма, необходимо оговорить, как мыслится нам конкретное историческое и эстетическое содержание этого явления, т.к. позиции разных исследователей по этому поводу существенно расходятся [7, с. 272-274]. Мы полагаем, что предромантизм представляет собой первую, в чем-то переходную фазу становления романтизма, и следуем в этом концепции Г.А. Жуковского, который считал, что «можно говорить о едином периоде, едином стиле, противопоставленном классицизму, с одной стороны, и реализму – с другой, о стиле романтизма и предромантизма, его предвестия...» [2, с. 19].

Возникновение сентиментализма, или предромантизма, в духовной жизни Европы XVIII в. знаменовало кризис просветительского мировоззрения, дискредитацию разума и противопоставление ему чувства. Не случайно эти тенде-

нии дали себя знать в первую очередь в английской литературе, т.к. в Англии, ранее других прошедшей через буржуазную революцию, раньше проявились и противоречия буржуазной цивилизации. Русский сентиментализм имел другие истоки. В их основе лежало разочарование в идеале просвещенного абсолютизма. Тем не менее, когда поэзия английских сентименталистов стала проникать в Россию, почва для ее восприятия была в известной мере подготовлена.

Поэзия английского сентиментализма выдвинула две переплетенные друг с другом темы: природы и смерти. Отрицание цивилизации, социальных контрастов, сильнее проявляющихся в городе, вело к прославлению «естественной жизни», существованию на лоне природы. Дальнейшее развитие этих идей вело к отрицанию земной жизни, исполненной пороков, страданий и скорби. Ей противопоставлялось вечное блаженство, зиждущееся на бессмертии души.

Тремя первыми английскими предромантиками, получившими известность в России и оказавшими влияние на русскую поэзию, были Э. Юнг, Дж. Томсон и Т. Грей. Э. Юнг и его главное произведение, принесшее ему мировую славу – «Жалобы, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии» (1742-1745), не оставили сколько-нибудь значительного следа в творчестве В.А. Жуковского. Известно лишь, что к одному из своих первых стихотворений – оде «Человек» (1801), он избрал эпиграфом слова из «Ночных мыслей» – «A worm! a god», ранее уже использованные в одноименной оде Г.Р. Державиным, а к строке: «жизнь с бедами брань» сделал в журнальной публикации (Утренняя заря, 1803, кн.П. С. 12) ссылку «Юнг», имея в виду место из II «ночи»: «Life is war; eternal war with woe».

С Дж. Томсоном В.А. Жуковский познакомился во время пребывания в Московском университетском благородном пансионе (1797 – 1800), а затем во время существования «Дружеского литературного общества» (1800 – 1801). Как писал в 1802 г. А. Тургенев, В.А. Жуковский «окружен Греем, Томсоном, Шекспиром, Попе и Руссо!» [44, с. 50]. По предположению Ю.Д. Левина, интерес В.А. Жуковского к Дж. Томсону усиливался под влиянием Н.М. Карамзина [4, с. 246]. Им была задумана описательная поэма томсоновского типа «Весна». Этот замысел не был осуществлен, но план поэмы приведен в книге В.И. Резанова «Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского» [6, с. 498]. Позднее был выполнен перевод, озаглавленный «Гимн (Подражание Томсону)» в 1808 г. Исследователи (Ю.Д. Левин, И.М. Семенко) сходятся на том, что Жуковский перевел «Гимн» сравнительно близко к оригиналу, отступая от него лишь для того, чтобы создать близкий В.А. Жуковскому образ мечтательного юноши, меланхолического поэта.

Центральное место в творчестве Жуковского-переводчика английских предромантиков принадлежит, конечно, его элегии «Сельское кладбище». Этапное место этого произведения не только в истории русской поэзии и русского романтизма обусловило значительное внимание исследователей.

Как известно, В.А. Жуковский трижды обращался к переводу элегии Т. Грея. Первая его редакция была создана в 1801 г., но не получила одобрения Н.М. Карамзина и подверглась существенной переработке (впервые была опубликована А.С. Архангельским в полном издании сочинений В.А. Жуковского в

1902 г.). Вторая редакция была напечатана в «Вестнике Европы» 1802 г. и ознаменовала важнейшую веху в становлении русского романтизма. По свидетельству П.А. Плетнева, «Сельское кладбище» «сразу поставило Жуковского в ряды лучших русских поэтов» [5, с. 25]. Тем не менее в 1839 г. поэт вновь вернулся к элегии Т. Грея и создал новый ее перевод, принципиально отличный от предыдущего.

Перевод элегии Т. Грея «Сельское кладбище» стал началом отсчета не только поэзии В.А. Жуковского, но и новой русской поэзии в целом. Рождение элегии как жанра русской романтической поэзии был связан с ее обогащением новыми формами выражения: исповедь и рассказ, размышление и описание, поток чувств, способствовали созданию единого настроения. Особую задушевность и выразительность приобретал элегический язык благодаря новаторству В.А. Жуковского в области словоупотребления.

Перевод «Опустевшей деревни» О. Голдсмита был выполнен в 1805 году, хотя замысел возник еще в 1802. В.А. Жуковский перевел 100 строк поэмы О. Голдсмита, оставив непереуведенной ту часть, которая, вероятно, была слишком социальной. Ста английским строкам оригинала в переводе соответствуют 115 стихов русского текста. Сохраняя строфику оригинала, русский переводчик не считал необходимым идти в переводе от стиха к стиху, поэтому отдельные строфы оригинала содержат большее количество строк. Р.И. Бродавко, сопоставляя русский и английский тексты поэмы, приходит к выводу, что «перевод «Опустевшей деревни» был выполнен с наибольшей степенью близости к оригиналу, возможной для уровня переводческой теории и практики того времени» [1, с. 109]. Признавая, что перевод поэмы О. Голдсмита обладает самостоятельной ценностью в истории русской поэзии, должны обратить внимание на то, что в действительности он является свободным. Стилистика, форма, образы, размер перевода составляют оригинальную систему, отличную от подлинника.

Переводы из О. Голдсмита были началом формирования психологической лирики поэта: раскрытие читателю собственной души, перенос своего психологического опыта на лирического героя, дифференцирование состояния и чувств – все это вело к обогащению языка поэзии и подготовке русской литературы к восприятию романтической поэзии. Перевод «Опустевшей деревни» О. Голдсмита стал этапом на пути становления русской «панорамной» элегии.

Литература английского предромантизма представляла интерес для В.А. Жуковского и в связи с жанровыми поисками 1808-1814 гг., универсальной формой выражения которых стала баллада, своеобразный поэтический эквивалент его романтической эстетики. В 1812 году русский поэт вновь возвращается к творчеству О. Голдсмита и переводит балладу «Edwin and Angelina. The Hermit», 1814 – Д. Маллета «Edwin and Emma», 1833 – Т. Кемпбелла – «Lord Ullin's Daughter».

Баллада «Пустынный» открывала в творчестве В.А. Жуковского целый цикл баллад о любви, восстающей против предрассудков и запретов, о любви сильнее смерти и всяких фантастических испытаний. Именно этому переводу суждено было стать образцом для подражания на многие годы. Мрачный колорит, таинственность, печальный и в то же время счастливый сюжет о расстава-

нии и внезапной встрече двух возлюбленных соответствовали вкусам читателей 10-х гг. XIX в. Текст В.А. Жуковского стал шаблоном текста о «пустыннике».

В переводах баллад английских предромантиков поэт передавал мятеж человеческих душ перед натиском судьбы, открывал русскому читателю целый мир новых страстей и эмоций, очень тонко и психологически верно передавал переход общества к новым представлениям о жизни и морали. Главным в них был новый характер мироощущения. Героями баллад В.А. Жуковского становились люди с пробудившимся чувством личности. Вот почему в центре его повествований оказывается столкновение героя с судьбой, своеобразный бунт против предопределенного пути.

Баллады Жуковского, переведенные из английских поэтов-предромантиков, вносили в русскую поэзию необычайный накал этической проблематики. Р.В. Иезуитова, анализируя баллады XIX века, замечала, что «как одна из форм личностной поэзии баллада обнаруживает близость принципам романтического искусства с его этической стороны, характеризуется широким интересом к сфере морали и нравственности» [3, с. 156]. Поэтика баллад английского предромантизма, характеризующаяся непринужденной легкостью повествования в сочетании с эмоциональным лиризмом, вела к реорганизации В.А. Жуковским «балладного» слога и готовила зарождение в творческой системе русского поэта романтической баллады.

Таким образом, поэзия английских предромантиков способствовала расширению жанровых границ лирики Жуковского: от психологической монологической поэзии к новому типу лирики – балладам, подготовившим появление на русской почве нового жанра – романтической баллады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродавко Р.И. В.А. Жуковский – переводчик О. Голдсмита / Р.И. Бродавко // Вопросы литературы. – 1976. – № 1 (27). – С. 102–109.
2. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Г.А. Гуковский. – М., 1965. – 364 с.
3. Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма / Р.В. Иезуитова // Русский романтизм. – Л., 1978. – С. 138–163.
4. Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма / Ю.Д. Левин // От классицизма к романтизму. – Л.: Наука, 1970. – С. 195–297.
5. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского. – СПб., 1853. – 188 с.
6. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. – СПб., 1906. – 362 с.
7. Фризман Л.Г. Русский романтизм: проблемы, споры, перспективы / Л.Г. Фризман // Вопросы литературы. – 1978. – № 11. – С. 272–274.